

ПРАВОСЛАВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1

С. А. Колесников

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII СТОЛЕТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о духовном значении художественной литературы в становлении национального общества в XVIII столетии. Результативность влияния художественной литературы на становление духовно-национальных ценностей проявлялась, прежде всего, в восприятии духовного опыта прошлого, ассимиляции национальных особенностей мировой и национальной культур. Автор рассматривает литературу как одно из средств снижения деструктивного общественного устройства. В заключении делается вывод, что через художественные произведения таких ярких писателей, как М. В. Ломоносов, В. А. Тредиаковский и многих других, осуществлялся своеобразный проект построения общества на основании духовных ценностей и религиозных приоритетов.

Ключевые слова: русская литература, общество и литература, Церковь и литература, эпоха Просвещения в России.

Сведения об авторе: Колесников Сергей Александрович – доктор филологических наук, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии, профессор Белгородского юридического института МВД России. E-mail: Skolesnikov2015@yandex.ru

Цитирование: Колесников С. А. Русская литература XVIII столетия и формирование духовно-нравственных ценностей общества // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2024. Вып. 1 (30). С. 136–144.

Поступила в редакцию 21.02.2024

Принята к публикации 02.04.2024

Формирование духовно-нравственных ценностей в XVIII веке в России происходило в обстановке реформирования церковно-государственных отношений, отсутствия широкого доступа населения к образованию и просвещению и активного проникновения западных идей и ценностей,

что вызывало сопротивление со стороны консервативных сил, однако одновременно способствовало развитию новых духовных и нравственных течений.

Заявленная Петром I открытость национальной культуры «всем эпохам и временам» позволяла литературе впитывать и творчески интерпретировать мировой антидеструктивный опыт. Многогранность барокко, ворвавшаяся с петровскими реформами в российскую культуру, проявлялась самыми разнообразными способами, прежде всего в создании культурной полигlossии. Культура заговорила на разных языках, причем нередко на языках, ранее принципиально несовместимых. Для того, чтобы выжить под натиском деструктивной мощи Империи, литературе пришлось стать максимально мобильной и открытой.

Необходимо отметить особое влияние античности на культуру XVIII в., которое проявлялось не только в литературе. Эпизодов, подтверждающих этот тезис, множество: петровский проект соединения Чёрного моря с Каспийским – воплощение идеи Селевка Никатора, возрождение римских боёв зверей, столь подробно описанные в дневнике камер-юнкера Ф. В. Бергольца и пр., и пр. [4, с. 84]. Да и сам памятник Петру был поставлен на языческом «гром-камне», словно демонстрируя язычески-античный фундамент культуры его времени. Приверженность античному мировидению обнаруживается у Тредиаковского, который, в частности, создаёт «Оду торжественную о сдаче города Гданска» (1734), используя преимущественно античные мифологические образы. Перечисление античных имён у Сумарокова в его «Эпистоле о стихотворстве» (1747) занимает целые абзацы. «Душенька» Богдановича соединяет в себе российскую и античную культуры столь тесно, что это порождает комический эффект. Даже восстание Пугачёва интерпретируется литературой того времени в категориях античных мифофигур [4].

Конечно, столь бурное развитие мифологической культуры не могло происходить без выстраивания особых алгоритмов взаимоотношений с культурой церковной. «Мифологическая образность становится в России, – писали В. М. Живов и Б. А. Успенский, – принадлежностью жанров, связанных с церковной литературой» [8, с. 507]. По сути, именно церковная литература предложила XVIII веку духовно-патетическую форму, которая стала наполняться уже антично-мифологическим содержанием. Процесс аккультурации церковной и античной культур проходил в рамках культурной преемственности, светская литература получила хранимый церковной культурой потенциал духовной сакральности и этического нормирования,

а потому стала возможной ситуация, когда «поэт в России больше, чем поэт». Петровские реформы и Церковь – отдельная тема. Но именно благодаря «консерватизму» церковной культуры петровское время всё же не утрачивает полностью связи с прошлым наследием Руси. Не всё было просто во взаимоотношениях литературы и Церкви, например, Кантемир запрещал своей сестре идти в монахини, добавляя: «Я чернецов весьма гнушаюсь» [13, с. 91]. Но это уже был радикализм, хотя, естественно, положение Церкви в период правления Петра значительно изменилось. Так, «западные наблюдатели... обращали внимание на почти военизированный характер, какой обрела православная церковь при Петре» [7, с. 65]. Но Церковь, несмотря на давление властей, стремилась сохранить антидеструктивный потенциал и передать его светской литературе.

Внешне Церковь шла на уступки императорской власти, могла согласиться, в частности, в иконописи с запретом Петра писать Александра Невского «в монашеской персоне... а писать во одеждах великокняжеских» [5, с. 87], могла принять императорский культ в свой обрядовый обиход, могла идти по пути создания нового катехизиса, главной задачей которого было «отделить канон от обряда, первоначальное ядро христианского учения от позднейших наслоений» [9, с. 35] и пр. Но именно из воздействия церковной культуры вытекает записка Петра I в апреле 1724 г. по поводу того же катехизиса: «...просто написать... а особливо Веру, Надежду и Любовь: и о первой и о последней зело мало знают; а о средней и не слышали». И это пишет император, за плечами которого сотни лично погубленных подданных – в этом, пусть теоретизированном, милосердии монарха, несомненно, заслуга Церкви. При этом Пётр нередко сознательно обращался за помощью к церковной культуре для решения идеологических задач. Так, использование кириллицы как шрифта сугубо церковного, тесно связанного с церковной традицией, вместо шрифта гражданского, было призвано усилить доверие к государственным начинаниям. Поэтому, например, книга Ф. Прокоповича «Правда воли монаршей» была издана и на гражданском шрифте, и на кириллице, что должно было, по мнению идеологов той поры, обеспечить обоюдное – и государственное, и церковное – антидеструктивное воздействие на общественное сознание литературными средствами [3]. И там, где Пётр не чувствовал себя свободно, а именно в церковном ораторском искусстве, ему на помощь приходили такие церковные деятели и литераторы, как Ф. Прокопович, С. Яворский...

Позднее взаимодействие церковной и светской литератур в антидеструктивном аспекте становится ещё теснее. Подавляющее большинство

светских писателей XVIII в. черпали в церковной культуре темы милосердия и гармоничного взгляда на мир. В качестве яркого примера можно привести М. В. Ломоносова, сумевшего сделать «научное познание формой религиозного опыта», видевшего «в науке помощницу и союзницу богословия в познании «премудрости и могущества Божия» [6, с. 33]. Именно Ломоносов стал основателем физико-теологической традиции в отечественной культуре, предлагавшей гармоничный симбиоз светского и религиозного мировоззрений.

Показательно, что духовная поэзия Ломоносова – «Вечернее...» и «Утреннее размышление о Божьем величии», переложение псалмов и др., выводящее насилие из сферы личностно-социальных отношений – рождалась именно под воздействием церковной культуры, или как писала О. А. Крашениникова: «источником знания Ломоносова ... следует считать ... книги церковно-богослужebные» [5, с. 275]. Кстати, языковые средства и Г. Р. Державина формировались под воздействием церковнославянского языка, что можно отчётливо проследить в словообразовательных формах и приёмах поэта, в частности, в образовании таких слов в «Жизни званской», как «милосизая», «сребророзовая» и т. д., восходящих к многокорневым лингвистическим образованиям богословских трактатов святых отцов Церкви. Таким образом, церковная культура являлась важной составляющей частью полиморфной культуры XVIII в., направленной к снижению деструктивного потенциала в обществе.

Другой хронологический пласт мировой культуры – культура Ренессанса – проявляет себя буквально практически на всех печатных страницах петровской и постпетровской эпохи, ведь в основе рисунка уже упоминавшегося нового гражданского шрифта, наряду с русской скорописью, лежал печатный шрифт «антиква», возникший в Италии в период Возрождения. Уместно вспомнить, что настольной книгой самого Петра являлась «Иконология» писателя Возрождения Цезаря Рипи (1560–1620).

Социально-культурные практики XVIII в. также носят принципиально полиморфный характер. Показательна биография «главного» писателя петровского времени – Ф. Прокоповича, соединившего в себе широкий спектр культур, подчас взаимоисключающих друг друга. Имена, принимаемые им, – знаковые вехи на бурном биографическом пути. При крещении Прокопович получает имя Елизар, в 1698 г. отправляется в Рим, перейдя в унию и приняв монашество в униатском базилианском (св. Василия Великого) ордене с именем Самуил. В Риме поступил в иезуитскую коллегию святого Афанасия, где прошёл полный курс теологических

наук. Вернувшись в Киев (1702), вновь обратился в православие (1704), приняв монашеский постриг с именем Феофан. Затем стремительный взлёт после похвального слова «Епиникион» в 1709 г., с 1720 г. – архиепископ, служивший впоследствии трём монархам... И таких биографий было много. Способность соединять культуры не только синхронно, но и диахронно, позволила Ф. Прокоповичу стать «соединительным звеном между поэзией русского классицизма и древнерусской литературой» [9, с. 71].

Существенных результатов полиморфная культура достигает в творчестве М. В. Ломоносова. Достаточно привести развёрнутый список книг, которые приобретает в Марбурге в 1736 г. студент Ломоносов. Здесь и Вергилий, Овидий, Марциал, Сенека, Эразм Роттердамский, Мольер, Вольтер, Готшед, знакомится с Ариосто, Тассо, Гварини. Вхождение в полиморфную культуру позволяло Ломоносову непосредственно в творчестве диахронно синтезировать различные эпохи. Так, при составлении списка идей для «живописных картин из российской истории» в январе 1764 г. он предлагает следующие темы: «взятие Искореста княгиней Ольгой», «Совет Владимиру духовенства», «Право фамилии Романовых на престол всероссийский» и т. д. [2]. Особую роль в культивировании полиморфной культуры в петровское время играла Немецкая слобода в Москве, представлявшая соединение, смешение различных конфессий и социально-национальных укладов. Имеются свидетельства о прохождении обучения, в частности, в католической школе российских подданных, правда, известно и о высылке в 1719 г. пасторов-иезуитов за слишком активную религиозную деятельность.

Естественно, что своего пика полиморфизм культуры достигает во времена правления Екатерины II. Знаковый пример: многогранность масонской культуры. Перечень масонских изданий по самым различным тематикам и персоналиям удивляет. Практически здесь представлен литературный спектр всего историко-культурного развития человечества – от Лукиана и Марка Аврелия до Вольтера и Мармонтеля. Таким образом, полиморфизм культуры XVIII в. значительно расширял возможности литературы снижать уровень насилия в обществе, обращаясь за позитивными примерами милосердия практически к любой культуре прошлого и современности. Но главным результатом подобной культурной открытости стало увеличение степени свободы в самых различных проявлениях. Ещё Пётр, пусть декларативно и с долей угрозы, обосновывал социокультурную тенденцию к свободе. При спуске в 1714 г. нового корабля в Риге Пётр, по свидетельству Вебера, произнёс: «...если вы будете слушаться без всяких оговорок ... привыкнете

свободно распознавать и изучать добро и зло» [11, с. 1060]. И свобода, прежде всего в филологической сфере, постепенно занимает всё более значительное место в культуре XVIII в. Из языковой сферы начинается постепенный процесс общественного движения к приобретению всё большей независимости от насилия государства. Проблема поливариантности развития языка осознавалась уже Феофаном Прокоповичем. Но власть и свобода для официального писателя ещё неразделимы. Так, в «Слове о власти и чести» он писал: «Те, кто не покоряется власти, назидают свое мнение на свободе христианской, слышаще бо... помыслили, будто мы и от властей послушания свободны есми» [3]. Но характерно, что тема свободы всё-таки фигурирует даже в петровские времена сильнейшего государственного прессинга.

Литература позволяла россиянину XVIII в. стать вне тотальной официозности, и о такой надгосударственности писал Ю. М. Лотман: «...сама идея неофициальной организованности таила в себе потенциальную оппозицию государству» [8, с. 95]. В лингвистическом аспекте свобода как проявление силы продолжает восприниматься и после Петра. М. В. Ломоносов в «Российской грамматике 1754–1755 гг.» скажет в филолоγο-политическом ключе: «Язык российский – повелитель многих языков» [1]. И в этом определении скрыто новое понимание языка как относительно свободного преобразователя общества. Не случайно непосредственно в постпетровский период начинают стремительно развиваться лексические и грамматические составляющие русского языка. Язык, а значит и литература, превращаются в уникальную экспериментальную область, где степень свободного поиска, как ни в каком другом культурно-социальном сегменте, становится максимально высока. Именно литература стала тем первоимпульсом, с которого, видимо, и началась непростая борьба за национальную идентификацию, стремящуюся выйти из-под прессинга государственного насилия.

Источники

1. Ломоносов М. В. Российская грамматика (Российская грамматика). СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1755, 213 с. URL : http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_oldorfo.shtml (дата обращения: 15.02.2024).

2. Ломоносов М. В. Идеи для живописных картин из российской истории // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 6. Труды

по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М. ; Л., 1952. С. 365–373.

3. Прокопович Феофан. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. Ленинград : Наука, 1961. 506 с.

Литература

4. Античность в культуре и искусстве последующих веков : сб. ст. / под общ. ред. И. Е. Даниловой. М., 1984. 354 с.

5. Древнерусская культура и русская культура XVIII–XX вв. Ленинград : Наука, 1971. 384 с.

6. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М. : Престиж, 2003. 1056 с.

7. Европейское просвещение и цивилизация России. М. : Наука, 2004. 356 с.

8. Из истории русской культуры. В 5 т. Т. 4. XVIII – начало XIX века. М., 2000. 832 с.

9. Проблемы изучения русской литературы XVIII века : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4 / редкол. : Е. И. Анненкова, В. А. Западов, Н. Н. Скотов ; Ленингр. гос. пед. ин-т. Ленинград, 1980. 156 с.

10. Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век / отв. ред. Д. П. Николаев. М. : ИМЛИ, 2005. 814 с.

11. Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 6. С. 1056–1166

12. Сиповский В. В. Русская лирика. Вып. 1. XVIII в. СПб., 1914. 150 с.

13. Шимко И. И. Новые данные к биографии Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1891. Ч. ССІХХVI. С. 320–322.

RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY AND THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF SOCIETY

Abstract: The article examines the question of the spiritual significance of fiction in the formation of national society in the 18th century. The effectiveness of the influence of fiction on the formation of spiritual and national values was manifested, first of all, in the perception of the spiritual experience of the past, the assimilation of national characteristics of world and national cultures. The author considers literature as one of the means of reducing the destructive social order. It is concluded that through the works of art of such outstanding writers as M.V. Lomonosov, V.A. Trediakovsky and many others, a unique project was carried out to build a society based on spiritual values and religious priorities.

Key words: Russian literature, society and literature, Church and literature, the Age of Enlightenment in Russia.

Sources

1. Lomonosov M. V. Rossijskaya grammatika [Russian grammar]. St. Petersburg, 1755, 213 pp. [Electronic resource]. Mode of access: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_oldorfo.shtml (accessed: 15.02.2024). In Russian.
2. Lomonosov M. V. Idei dlya zhivopisnyh kartin iz rossijskoj istorii. [Ideas for paintings from Russian history]. In *Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij v 11 t. T. 6. Trudy russkoj istorii, obshhestvenno-jekonomicheskim vo-prosam i geografii. 1747–1765 gg.* [Lomonosov. M.V. Complete works: in 11 volumes. Vol. 6. Proceedings of Russian history, socio-economic issues and geography. 1747–1765]. Moscow; Leningrad, 1952. pp. 365–373. In Russian.
3. Feofan Prokopovich. Sochineniya [Works]. Leningrad, 1961, 506 p. In Russian.

Literature

4. Antichnost' v kul'ture i iskusstve posleduyushchih vekov [Antiquity in the culture and art of subsequent centuries]: collection of articles. Moscow, 1984, 354 p. In Russian.

5. Drevnerusskaya kul'tura i russkaya kul'tura XVIII-XX vv. [Old Russian culture and Russian culture of the 18th-20th centuries]. Leningrad, 1971, 384 p. In Russian.
6. Dunaev M. M. Vera v gornile somnenij: Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vekah [Faith in the crucible of doubt: Orthodoxy and Russian literature in the 17th–20th centuries]. Moscow, 2003, 1056 p. In Russian.
7. Evropejskoe prosveshchenie i civilizaciya Rossii [European Enlightenment and civilization of Russia]. Moscow, 2004, 356 p. In Russian.
8. Iz istorii russkoj kul'tury. V 5 t. T. 4. XVIII – nachalo XIX veka [From the history of Russian culture. In 5 volumes. Vol.4. 18th – early 19th centuries]. Moscow, 2000, 832 p. In Russian.
9. Problemy izucheniya russkoj literatury XVIII veka [Problems of studying Russian literature of the 18th century: interuniversity collection of scientific works]. Vol. 4. Leningrad, 1980, 156 p. In Russian.
10. Russkaya literatura kak forma nacional'nogo samosoznaniya, XVIII vek [Russian literature as a form of national identity, 18th century]. Moscow, 2005, 814 p. In Russian.
11. Zapiski Vebera o Petre Velikom i ob ego preobrazovaniyah [Weber's notes about Peter the Great and his transformations]. In *Russkij arhiv* [Russian archive]. 1872. No. 6, pp. 1056–1166. In Russian.
12. Sipovsky V.V. Russkaya lirika [Russian lyrics]. Vol. 1. 18th century. St. Petersburg, 1914, 150 p. In Russian.
13. Shimko I.I. Novye dannye k biografii Antioha Dmitrievicha Kantemira i ego blizhajshih rodstvennikov [New data on the biography of Antioch Dmitrievich Kantemir and his closest relatives]. In *ZHurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg: 1891. Part CCIXXVI, pp. 320–322. In Russian.